Текст · 15 сентября 2022, 08:15
Орхан Памук,

Охран Памук. Нобелевский лауреат — о нападении на Салмана Рушди, природе ненависти и жизни с телохранителями

Когда турецкий писатель Орхан Памук получил Нобелевскую премию по литературе в 2006-м, он уже год находился под охраной турецких властей: на него обрушилась лавина угроз из-за признания геноцида армян и высказываний о проблемах курдов. В начале августа этого года на его друга Салмана Рушди, еще одного писателя с мировым именем, во время публичной лекции напал человек, которого оскорбили высказывания Рушди об исламе. В колонке для журнала *Atlantic* Памук рассуждает о природе подобного насилия и о том, каково это — постоянно жить под охраной.

Если я рассказывал друзьям, что собираюсь написать небольшую статью о нападении на Салмана Рушди, они говорили: будь осторожен. Даже несмотря на то, что уже больше 15 лет у меня есть телохранители, которых приставили ко мне турецкие власти. И у моих друзей есть все основания для тревоги.

Мне было очень тяжело наблюдать за тем, как люди в Иране и других мусульманских странах одобряют нападение на Рушди. Несколько человек рассказали *Associated Press*, как приятно им было узнать, что автор «Сатанинских стихов»[1] пострадал. Некоторые переживали, что это может пагубно отразиться на отношениях Ирана с миром. Не хотелось бы делать далекоидущих выводов на основании комментариев

в соцсетях, но если посмотреть на самые популярные платформы в Турции, где я живу, видно: очень многие считают, что нельзя ставить знак равенства между свободой самовыражения и свободой обижать или оскорблять других. Они уверены, что писатель давно напрашивался, и были бы вполне рады его смерти.

Те, кто осудил нападение в газетах — большинство которых находится под контролем государства, — говорили не о свободе слова, а о том, что все это провокация Запада, возможно, даже самой Америки, а цель — выставить в дурном свете мусульманские страны и ислам. Даже среди моих знакомых турецких писателей и интеллектуалов, искренних приверженцев свободы слова, почти никто не пытался протестовать или даже просто привлекать внимание к происшедшему.

Я много раз и подолгу беседовал с писателями, которым угрожают «исламисты» или «исламские экстремисты», а также с публицистами и журналистами, которые по самым разным причинам оказались в опасном положении в Египте и Турции. Сам я чаще всего получаю угрозы не от исламских экстремистов, а от националистов, которые считают, что мои взгляды на геноцид армян порочат турецкую историю. Впрочем, две эти группы не так далеки друг от друга, и в Турции сейчас правит исламско-националистическая коалиция.

Жить под постоянным наблюдением, пусть и ради защиты — тяжелое, удушающее испытание. Вы никогда не сможете полностью насладиться тем, что о вас забыли. Число моих охранников меняется с течением времени и зависит от того, где я нахожусь.

Если телохранители работают хорошо, они не могут быть незаметными; напротив, они должны сделать так, чтобы их присутствие было ощутимо и один их вид отпугивал потенциальных врагов. В таких условиях писатель может очень быстро оказаться оторван от «нормальной» повседневности, а значит, и от самого естественного источника вдохновения. Бывали случаи — по крайней мере до того, как в середине 2000-х меня обвинили в оскорблении власти и на меня посыпались угрозы, — когда я отказывался от охраны, чтобы не нарушать естественное течение своей жизни. Бывали и случаи, когда я чувствовал, что за моим домом и работой наблюдают полицейские в штатском. И хотя никто не спрашивал моего разрешения, я не возражал. Вскоре у меня было столько телохранителей, что стало тяжело сидеть в кафе и писать или даже бесцельно бродить по Стамбулу.

Конечно, когда ты знаешь, что тебя охраняют, то чувствуешь себя гораздо увереннее. Защита от физических и словесных нападок дает некоторое ощущение спокойствия. И я полностью отдаю себе отчет в том, что именно благодаря моим телохранителям я мог, собирая материал для романа «Мои странные мысли», спокойно гулять по ночам и фотографировать в отдаленных, мрачных стамбульских районах, где находиться довольно опасно, даже если ты не писатель, известный своими громкими заявлениями.

Сложности жизни под государственной охраной усугубляются огромным количеством бюрократических правил и требований. Их так много, что защита становится обязанностью и обузой не

только для самих телохранителей, но и для писателя, которого они охраняют. Допустим, мне нужно пойти на рабочую встречу или навестить кого-то из родственников. Если я понимаю, что маршрут и средства передвижения достаточно безопасны и я бы предпочел поехать в одиночку, мне нужно написать специальное заявление, в котором я отказываюсь от сопровождения. И совсем другой набор документов мне нужно заполнить, если охранникам нужно отправиться со мной из Стамбула в какой-нибудь другой город Турции.

Все эти бюрократические препоны и постоянное присутствие телохранителей утомляют настолько, что человек, живущий под охраной, лишается «частной жизни» — он все время чувствует слежку. Иногда я даже задумывался: а не становятся ли некоторые писатели мишенью ровно потому, что находятся под защитой? Если вас идентифицируют как потенциальную мишень, то именно так вас начинают воспринимать даже совершенно не заинтересованные в вас люди — для них вы становитесь неким странным и непонятным существом.

Охрана служит писателю постоянным напоминанием, что он стал объектом ненависти определенной националистической, политической или религиозной группировки, и он жаждет бежать от этой реальной или воображаемой ненависти. Я знаю по собственному опыту: после первых, самых опасных лет ты начинаешь думать, что «самое страшное позади», телохранители больше не нужны и можно вернуться к старой, прекрасной, «обычной» жизни. К сожалению, чаще всего

это не так. И университеты, фонды и города, которые приглашают на выступление находящегося под угрозой писателя, должны обеспечить его безопасность — вне зависимости от того, что думает о своем положении он сам.

Жизнь под охраной часто заставляет меня думать о людях, которые посылают угрозы. Они и правда собирались меня убить? Они до сих пор помнят свои слова или уже забыли обо мне? А если я о них забуду или оставлю угрозы без ответа, это поможет? Такие вопросы я часто задавал себе и своим близким.

Когда же на писателя нападают физически, все сразу начинают рассуждать о том, что надо отвечать словами на слова, книгами — на книги. Идея не нова, но насколько она справедлива? Люди, которые спускают курок или бьют ножом, почти не читают книг. А если бы читали больше или могли сами написать книгу, то не пришли бы к насилию? Были бы они вообще на него способны?

У нас есть привилегия — свобода слова, и использовать ее мы должны для того, чтобы открыто говорить о роли классовых и культурных различий в обществе. Экстремистами становятся те, кто чувствует, что к ним относятся как к людям второго или третьего сорта, никто их не замечает, не представляет их интересов и в грош не ставит их жизни. (24-летний мужчина, напавший на Салмана Рушди, работал продавцом в магазине низких цен.) Говорю это как писатель: попытаться понять человека — совсем не то же самое, что простить его или оправдать ужасные преступления.

Если мы будем держать в голове, что за угрозами стоят классовые культурные различия и националистический ресентимент, наша приверженность свободе слова только укрепится. Зачастую эти различия становятся табу: никто не хочет о них слышать и не решается говорить. Боясь обвинений в оправдании насилия, СМИ почти не рассказывают о нищете, необразованности и бедственном положении нападающего, и в результате получается, что его цель — сама литература и ценности, которые она несет. Если мы хотим, чтобы принципы свободы самовыражения процветали в обществе, недостаточно отваги таких писателей, как Салман Рушди, — нам нужно самим набраться храбрости и подумать об истоках обращенной к ним ненависти.

Автор: Орхан Памук

Оригинал: *Where the Hatred Comes From*, *The Atlantic, September 9, 2022*

Перевод: Д. Г.

1. Четвертый роман Салмана Рушди, который был издан в 1988 году, после чего иранский аятолла Хомейни издал фетву, в которой приговорил к смерти писателя и всех причастных к публикации.